

ИМАГОЛОГИЯ

УДК 82.091

DOI: 10.17223/24099554/5/1

Т.А. Васильева

«ЛЮБОВЬ К СТРАНЕ СВОЕЙ РОДНОЙ И К ПРИТЕСНИТЕЛЯМ ПРЕЗРЕНИЕ...»: НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ПРОШЛОГО И КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА МАЛОРОССИИ В РАННЕЙ РОМАНТИЧЕСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

В статье проанализирована эволюция исторических представлений о древней истории Южной Руси в ранней романтической словесности 1810–1820-х гг., отразившая, с одной стороны, переход от автономизма к регионализму, в связи с этим на материале трудов Д.Н. Бантыш-Каменского, А.И. Мартоса, М.Ф. Берлинского, З. Доленга-Ходаковского рассмотрено позиционирование малороссийской истории в рамках имперской «традиционной схемы» Н.М. Карамзина, а с другой – переосмысление в художественной литературе (В.Т. Нарезжний, К.Ф. Рылеев, А.А. Бестужев) древнерусских образов и сюжетов в русле идеологической проблематизации, когда с образом Малороссии связывался комплекс особых мотивов: этническая неоднородность, сложный процесс составления империи, борьба с внешними врагами, противостояние республиканской свободы и тиранического самодержавия, усобицы и сепаратизм.

Ключевые слова: Древняя Русь, Украина, имагология, историческое воображаемое, историография, художественно-исторические жанры, ранний русский романтизм.

I

Украинский регионализм первой четверти XIX в. [1. С. 63–79] придал интересу к местной истории глубокое и фундаментальное измерение, что выразилось в том числе и в ее растущей популярности у имперской публики. Если исторические описания Малороссии конца XVIII столетия либо предназначались для внутреннего административного употребления (А.Ф. Шафонский, И.А. Переверзев), либо издавались крошечным тиражом (Я.М. Маркович), то публикации

М.Ф. Берлинского, Н.А. Цертелева или Д.Н. Бантыш-Каменского приобретали достаточно большую известность, становясь частью набирающего силу украинофильства. Региональное видение, пришедшее на смену автономизму, позволило решить две коренные проблемы историко-этнографического дискурса. Во-первых, украинская история оказалась встроена в историю имперскую, выступив ее временным (с XIV по середину XVII в.) ответвлением, а во-вторых, культурные различия велико- и малороссов снимались или ослаблялись их общим происхождением, позволявшим рассматривать Украину как колыбель «русскости».

Основой для сближения выступило утверждение в трудах Н.М. Карамзина «традиционной схемы» русской истории или имперского «великого нарратива». Как справедливо констатировал З. Когут, «для Карамзина “российскость” воплощена в самодержавии и государственности, а не в особой территории» [2] и, добавим, этничности¹. Отталкиваясь от концепции «Синописа» И. Гизеля (1674), автор «Истории государства Российского» прослеживал наследование власти великих князей киевских князьями владимиро-суздальскими, а затем московскими. Логика карамзинской истории строилась на преемственности устойчивой самодержавной власти, в свете которой Южная Русь, территория будущей Малороссии, с XII–XIII вв. все больше погрязает в междоусобицах, в то время как северная ее часть крепнет благодаря единству сильной княжеской династии. Ко времени монголо-татарского нашествия украинские земли, лишенные, по мысли историографа, цементирующего государственного начала, выпали из истории и вернулись в ее сферу только к XVII в., к моменту присоединения к Московскому царству, преемницей которого выступила Российская империя. «С такой позиции история Украины выглядит лишь локальным ответвлением русской национальной истории, а украинцы и белорусы – непослушными детьми русской национальной родины» [4. С. 62].

В свете этой концепции, популяризация которой осуществлялась в числе прочих и харьковскими журналами (статьи И.И. Квитки, М.К. Грибовского, М.Е. Маркова, М.Ф. Берлинского²), попытки ут-

---

¹ О роли этнического начала у Н.М. Карамзина и в раннемодерной российской историографии см.: [3. С. 44–62].

² Подробнее о роли харьковской журнальной историографии в утверждении украинского регионализма см.: [5. С. 55–73].

верждения истории Украины XIV–XVII вв. как самостоятельного государства, предпринимавшиеся малороссийскими историками XVIII – начала XIX столетия, выглядели маргинальными и отражавшими лишь запоздалую ностальгию по временам ушедшей вольницы. Восходившие к «казацким летописям» хроники Самуила Велички, Григория Грабянки, П.И. Симоновского, А.И. Ригельмана и другие источники вплоть до «Истории русов» полностью сосредоточивались на местном материале определенного периода и настаивали на глубоком различии украинской и русской политической организации, подразумевавшем скорее федеративные, договорные, чем унитарные отношения с метрополией. Маргинализации способствовала и архаичная форма подобной историографии, построенная на хроникальном принципе и допускавшая свободное компилирование разнородных источников без их критического рассмотрения и встраивания в единую концепцию³. Переход к форме обобщающей научной историографии оказался немыслим без усвоения новой синтетической стилистики, образцом которой также выступила «История государства Российского».

Малороссийские историки новой волны, принимая карамзинскую схему, стремились заполнить ее лакуны, ввести в поле имперского прошлого события, происходившие на «своей» территории. Самый выразительный образец здесь – фундаментальная «История Малой России со времен присоединения оной к Российскому государству при царе Алексее Михайловиче», законченная Д.Н. Бантыш-Каменским к концу 1810-х гг. Ее автор сразу предупредил читателя:

Как первоначальная малороссийская история соединена совершенно с российской и польскою, я не почел нужным распространяться о сем предмете, а в кратком обозрении изложил первобытное состояние сего края. Подробное же повествование о случившихся в оном происшествиях начал с тех только времен, когда славный козачий вождь вознамерился преклонить булаву свою перед могущим скипетром российского самодержца [8. С. V].

В изложении Д.Н. Бантыш-Каменского этап Киевской Руси, уже получивший широкое освещение в карамзинской и посткарамзин-

---

³ Об их идеологии и структуре см.: [6. С. 593–607; 7].

ской историографии, вовсе не затрагивался, а история украинских земель в составе Великого княжества Литовского и Речи Посполитой занимала лишь сорок страниц объемного труда. Написанная по официальному поручению малороссийского генерал-губернатора Н.Г. Репнина, основное внимание «История Малой России» уделяла политическим событиям на территории Гетманщины, причем с выдвиганием на первый план действий центральной власти. В итоге автору первой систематической, основанной на большом круге источников работы удалось популяризировать украинскую историю, свидетельством чего явился ряд переизданий (1830, 1842), в первом из которых, заметим, материал был дополнен описанием древнего и литовско-польского этапа (т. 1). «Однако в целом, по оценке З. Когута, история Бантыш-Каменского была не более чем подробная история одной из многочисленных провинций России» [4. С. 65].

Варианты согласования имперской и региональной истории, впрочем, могли существенно различаться. Так, А.И. Мартос в неизданной «Истории Украины», не отказываясь от карамзинской схемы, предпочел сосредоточиться на доимперском периоде как более выразительном с точки зрения местного своеобразия. В его подходе уже вполне чувствовалось стремление к воссозданию через историю национального характера. За сосредоточенность на событийной эмпирике в ущерб телеологичности и национальному колориту, а также за недостаточный показ ответного влияния малороссиян на имперскую культуру (в лице Дмитрия Ростовского, Феофана Прокоповича и др.) он как раз и упрекал своего коллегу:

Думаем, что она («История Малой России». – *Т.В.*), конечно, будет приятна Малороссам, потому, что она есть первая подробная <...>. Но скажем, что бывшая Украина, составившая из себя более нежели Черниговскую и Полтавскую губернии, вероятно, потребует другой своей истории, преимущественно до раздробления ее на части (т.е. до вхождения Левобережной Украины в состав Московского царства. – *Т.В.*). Она потребует показать причины и начала причин удивительного состава козацкого народа [9. С. 137–138].

В какой-то степени это стремление к «началам причин» компенсировалось усилиями краеведческой археологии, главным представителем которой выступал М.Ф. Берлинский. Его «История города Киева», написанная еще в конце 1790-х гг., но пришедшая к широ-

кому читателю только в 1820-е гг., отталкивалась от «Синописа» и предвосхищала будущую карамзинскую схему. В своем обзоре автор не ограничивался историей одного города, но вписывал ее в широко понимаемую историю Украины (без членения на Лео- и Правобережную), рассматриваемую с равной подробностью от древности до современности. Этот исторический нарратив, однако, выступал лишь фоном археолого-топографического обозрения, позволявшего насытить живым содержанием «киевские древности». В сокращенном издании 1820 г. именно археологическая часть явилась центром, а сам Киев предстал своеобразным историческим палимпсестом:

Существуя почти 18 столетий и находясь во все сие время, так сказать, в средоточии разных народов, из коих каждый действовал на него по владычествуящему духу того времени, невозможно было ему не измениться, ни в физическом, ни в политическом, ни в нравственном своем существовании. Из первого, от древности, едва остались малые признаки прежнего его бытия <...> [10. С. 29].

Археологический подход М.Ф. Берлинского, более широкий по историческому охвату, хорошо согласовался с интересами имперской образованной публики, отразившимися в нарративных схемах украинских путешествий. В.В. Измайлов, П.И. Шаликов, И.М. Долгорукий, А.И. Левшин воспринимали современную Малороссию через призму древности, отыскивая в городах и урочищах материальные следы летописных событий, правда, только древнерусских (см. нашу статью [11. С. 20–42]). Одновременно происходило и становление научной имперской археологии, отозвавшейся и на украинском этапе экспедиции А.И. Ермолаева, хранителя рукописей Императорской Публичной библиотеки, члена кружка Н.П. Румянцева, который вместе с К.М. Борздиным произвел первоначальное археологическое описание древностей Северной России, а в 1810 г. Киева и Чернигова. В 1821 г. поездку в Киев с археологическими целями предпринял и сам Н.П. Румянцев. В 1822 г. Евгений (Е.А. Болховитинов), известный библиограф, историк литературы, археограф, став митрополитом Киевским и Галицким, организовал уже полноценные археологические исследования, начавшиеся в 1823 г. и продолжившиеся в дальнейшем. В ходе раскопок были обнаружены фундаменты Десятинной церкви, Золотых ворот и другие остатки домонгольской архитектуры [12. С. 15–23]. Большой вклад в

изучение украинской археологии внес с польской стороны А. Чарноцкий (З. Доленга-Ходаковский), при этом он также сосредоточивался на древнерусской истории. В опубликованной на польском языке работе 1818 г. «О славянщине до христианства» З. Доленга-Ходаковский впервые наметил программу комплексных исследований славянских народов, а в «Проекте ученого путешествия по России для понимания древней славянской истории» (1820) и «Исторической системе Ходаковского» (опубликовано в 1838), опираясь на материалы полевых разысканий, в том числе украинско-белорусских, обосновал принципы междисциплинарного археолого-этнографического подхода к реконструкции древней культуры⁴.

Гердеровско-романтическая концепция З. Доленга-Ходаковского, совершив радикальный методологический переворот, обнажила глубинное противоречие, варианты разрешения которого обозначили внутренние вехи в развитии историко-этнографических разысканий 1800-х – начала 1820-х гг. Оно заключалось в неразрывной связи регионального своеобразия с образом жизни низших сословий, прежде всего крестьянства. Социокультурная элита Малороссии уже ко второй половине XVIII в. перешла к унифицированным русско-европейским бытовым формам. В их свете простонародная культура, сохранившая архаические черты, выступала предметом дистанцированного восприятия. Варианты преодоления этой дистанции определялись как меняющимися мировоззренческими установками (от сентиментально-просветительских к романтическим), так и особенностями дискурса (история как нарратив об элите, этнография как репрезентация простонародья). Данные элементы могли выступать в сложных сочетаниях и порождать весьма причудливые идейно-художественные комбинации, чутко отзывающиеся на политический контекст – наполеоновские войны и «польский вопрос».

Более того, формирующийся русский национализм придал особую актуальность системе различений своего и чужого, обостряя чувствительность имперских авторов к культурным границам. Так, в этнографических описаниях Украины XVIII в. местное своеобразие не выступало сигналом инаковости, например, у С.Г. Гмелина,

---

⁴ Подробнее об А. Чарноцком и его этнографической системе см.: [13. С. 38–87; 14. С. 58–94; 15].

отмечавшего, что «одежда малороссиян от употребляемой в Великой России не во многом отлична» и «язык малороссийский, что до существенности его касается, во всем сходствует с российским» [16. С. 139, 140]. Для путешественников александровской поры подобные различия становятся гораздо более заметны, порождая иногда четкое ощущение чуждости, как в случае И.М. Долгорукого, заметившего в 1810 г. при въезде из Слободской Украины во внутренние малороссийские губернии:

Здесь я уже почитал себя в чужих краях, по самой простой, но для меня достаточной причине: я перестал понимать язык народный; со мной обыватель говорил, отвечал на мой вопрос, но не совсем разумел меня, а я из пяти его слов требовал трех переводу. Не станем входить в лабиринт подробных и тонких рассуждений; дадим волю простому понятию, и тогда многие, думаю, согласятся со мною, что где перестает нам быть вразумительно наречие народа, там и границы нашей родины, а по-моему, даже и отечества. Люди чиновные принадлежат всем странам: ежели не по духу, но по навыкам – космополиты; их наречие, следовательно, есть общее со всеми. Но так называемая чернь – она определяет живые урочища между царствами, кои политика связывает, и лифляндец всегда будет для России иностранец, хотя он и я одной державе служим [17. С. 64].

И.М. Долгорукий уже последовательно разводит политические и этнические категории, в свете которых общая государственная принадлежность не редуцирует разницы культур. Носителем объединяющего начала в его восприятии выступает административная, а шире – дворянская элита империи, по своему статусу и функциям вынужденная дистанцироваться от национальных корней, что, однако, не отменяет их значимость для «черни».

Показательную параллель здесь составляет восприятие А.И. Левшина, закончившего Харьковский университет и гораздо более тесно связанного с Украиной. Для него малороссийский язык и культура, на нем основанная, тоже мыслятся иными, чем великорусские, – более простонародными и архаичными, выпавшими из сферы современной цивилизации. А.И. Левшин в этом плане выражает дух нового украинского регионализма, заинтересованного в развитии на европейских началах. Разрыв между элитой и народом, выразившийся в разнице языков, по его мнению, может быть преодолен аккульту-

рацией, совершенствованием местного образования, распространением просвещения, что, однако, проще сделать, полностью перейдя на язык элиты, т.е. на русский:

Он (украинский язык. – Т.В.) происходит от древнего славянского, но смешан с немецкими, латинскими и польскими, переверканными словами; от чего делается почти не понятным великороссиянину. По множеству иностранных выражений и особенных оборотов составляет самое отдаленнейшее наречие языка Российского. Он хотя и не имеет правил, однако ж немногие ученые Малороссияне употребляют его в сочинениях. <...> При всем том, до сего времени он составляет язык народа. Но ежели гении здешней стороны обратят на него внимание свое и образуют оный, ограничив положительными правилами грамматики; тогда Малороссияне в славе ученых произведений своих, может быть, будут состязаться с просвещеннейшими народами Европы. Тщетна надежда сия; ибо нет побудительных причин и самая малая возможность к составлению языка из наречия, оставленного почти всеми образованными коренными жителями здешней стороны [18. С. 77–78].

Тем не менее при всем своем скепсисе А.И. Левшин, как и его «Письма из Малороссии», уже выступали частью обозначившегося интереса к народным началам. Историко-этнографические исследования помогали сфокусировать его и становились платформой для сознательного конструирования нового этнокультурного образа Украины.

II

В первой четверти XIX в. составной частью и во многом эквивалентом образа Украины в русской художественной литературе был образ Киевской Руси [19. С. 76–105]. Количественно поэмы и повести на древнерусскую тему превосходили обращения к малороссийскому материалу иных эпох, включая современную. Однако в интерпретации старокиевских времен наметился новый вектор, связанный с национализацией общественного сознания накануне и после Отечественной войны 1812 г. Если художественные произведения 1770–1790-х гг. оставались в пределах «баснословности» и были малочувствительны к национальному колориту, обозначавшемуся в обобщенных патриотических формулах, то наступающая романтическая эпоха требовала большей

исторической и культурной определенности, более тесной привязки к времени и месту. В результате мифологизация и адекватные ей жанровые конструкции «богатырской» сказки, комической оперы, героической повести или поэмы оказались ощутимо потеснены идеологической проблематизацией в рамках исторической повести, думы, поэмы [20. С. 108–134; 21. С. 30–84; 22. С. 215–236; 23]. В обновлении поэтики сыграло свою роль и обращение к древнерусским источникам, прежде всего к «Слову о полку Игореве», первый полный художественный перевод которого выполнил украинец А.А. Палицын в 1807 г. [24. С. 199–228; 25. С. 14–794; 26]. Подобная художественная национализация прошлого, вполне укладывавшаяся в схему имперского гранднарратива с его интегрированным видением окраинных культур, питала, однако, и региональное малороссийское самосознание, подспудно намечая силовые линии будущего национально-культурного разграничения.

Эту эволюцию наглядно показывает сравнение самого репрезентативного «древнерусского» цикла начала XIX в. – «Славенских вечеров» В.Т. Нарезного и произведений начала 1820-х гг., принадлежащих перу декабристов. Повести, вошедшие в «Славенские вечера» создавались В.Т. Нарезным в период с 1803 по 1819 г., первая часть цикла вышла в 1809 г., самыми поздними стали повести «Игорь», «Любослав» и «Александр» (1818–1819), а полностью он был опубликован в 1826 г., уже после смерти писателя. Основная часть цикла посвящена героям Киевской Руси, начиная с эпохи «баснословной», времени легендарных основателей государства (Кий, Славен) и первых князей (Святослав, Игорь, Ольга, Владимир) до монголо-татарского нашествия (повесть «Михаил»). Своеобразной кодой выступила повесть «Александр», посвященная Отечественной войне и заграничным походам 1812–1814 гг. С ее помощью цикл обрел идейную законченность, основанную на непрерывности русской истории от древности до современности.

В интерпретации автора эпоха Киевской Руси – воплощение сакральных первоисточков, момент становления и первые вехи развития Российского государства. Историческая достоверность уходит на второй план, перевешиваемая героико-идиллическим образом прошлого. Как справедливо отмечал В.С. Киселев, «заимствуя из летописных и фольклорных источников основной материал своего рассказа, Нарезный создает, однако, не историческое повествование, а поэтический образ былых времен» [27. С. 22]. История определяет

лишь каркас, раму повествования. Так, в повестях действуют реальные герои прошлого – воеводы, князья, татаро-монгольские ханы, предводители местных племен (Кий, Владимир Святославич, Игорь, Ольга, Святополк «Окаянный», Батый и др.), местом действия становятся узнаваемые топосы – берега Днепра, долины полян, Киев, Новгород. Текст изобилует наименованиями древнерусских городов (Искоростень, Туров, Муром), славянских и иных племен, известных по летописям (поляне, кривичи, древляне, косоги, печенеги), гидронимов (Днепр, Волхов, озеро Ильмень), часто упоминаются славянские языческие боги (Перун, Световид, Зимцерла, Лада). Однако В.Т. Нарезный не стремится придать изображаемому историческую и социально-бытовую конкретизацию, напротив, он охотно, следуя образцам повести XVIII в., обращается к вымышленным героям (повести «Славен» «Велесил», «Мирослав», «Рогдай», «Громобой», «Любослав») и любовно-авантюрным сюжетам. Главным отличием от поэтики В.А. Левшина, М.Д. Чулкова и М.И. Попова в этом плане становится равнодушие к сказочной стихии – ее вытесняют предромантический психологизм и образ чувствительного витязя-любовника [28. С. 27–32]:

«Воспой нам, – вещали они мне, – воспой нам песни о доблестях витязей и прелестях дев земли Русской во времена давно протекшие!» «Исполню желания ваши, – отвечивал я. – При закате солнца летнего в воды тихие приходите сюда внимать моему пению. Поведаю вам о подвигах ратных предков наших и любезности дев земли Славеновой» [29. С. 26].

Следуя имперскому историческому нарративу, В.Т. Нарезный не разделял российскую и украинскую историю. События повестей разворачиваются в «русской земле», действуют «русские князья» и государство именуется «Российским», как и его народ:

Никогда, – рек Рогдай, – не отважу жизни своей для сребра и злата; и последнюю каплю ее ценю дороже богатств всего света. Единственно отечеству посвящена жизнь витязя земли русской... [29. С. 39].

Теките с полей наших, безрассудные, и возвестите чадам своим, чего могут ждать неприятели на полях русских... [29. С. 39].

Мятежи прекратились, спокойствие разлилось по челу России от пределов севера к югу и западу... [29. С. 47].

Определение «русский» и его производные встречаются в тексте «Славенских вечеров» более двадцати раз, «российский» – около тридцати. Таким образом, украинский материал в цикле использовался на правах общероссийского и подчеркивание национальной специфики, как следствие, отсутствовало.

Наследуя традиции XVIII в., В.Т. Нарезный тем не менее существенно изменил акценты. Во-первых, значительная часть цикла посвящена нравственно-политической проблематике, прежде находившейся на периферии повествовательных жанров и разрабатывавшейся, скорее, трагедией. Повести «Кий и Дулеб», «Славен», «Любослав», «Игорь» сосредоточивали внимание на правителе и мотивации его поведения, в одном случае следующем личным страстям и желанию славы, а в другом – подчиненном общественному благу и интересам народа. В.Т. Нарезный прибегал к разным жанровым вариациям, используя то трагедийный конфликт, то форму философско-политической повести, то авантюрно-психологическую схему, что позволяло сделать цикл максимально насыщенным.

Так, в «Кие и Дулебе» центром становилось различие князей: Кий, глава полян, воплощал силу и мудрость нового растущего государства, поддерживаемого народом, Дулеб – воинственность и анархизм своего дикого племени, желающего сохранить самостоятельность:

Народы иноплеменные, дикие и грозные толпы, скитавшиеся среди гор Днепровских, познали благо общежития и покорили умы свои Кию, мудрому князю Полянскому. Он дал им мир и суд, – и сердце его веселилось их счастьем. Один Дулеб, бурный вождь и князь свирепых племен, носивших имя его, не познал силы его оружия, не вкусил сладости в повиновении владыке мудрому [29. С. 26].

В «Славене» возникали образы благородного Славена, предводителя славянского народа, и варяжского князя Радимира, жаждущего личной власти и крови. В «Любославе» главный герой, туровский князь, под влиянием дурного наставника Гломара становился все более властолюбивым и воинственным и затевал распрю с соседним Муромом. Как замечает В.С. Киселев, «страсти князя оказываются удовлетворены, жажда побед насыщается народными хвалами, но отчуждение от людей не только не уменьшается, а все более увеличивается, питаясь чувством совершенного преступления – наруше-

ния союзного договора, убийства и обмана собственных подданных» [28. С. 24]. Во второй части повести Любослав под влиянием любви к Гликерии, дочери муромского князя Миродара, преобразается и обретает истинную государственную мудрость. Эта проблемная линия доходит до финальных произведений цикла – «Игоря», где княгиня Ольга объясняет смерть мужа неумеренным честолюбием, и «Александра» с образом российского императора, взирающего на побежденный Париж, символ разрушительного политического эгоизма Наполеона.

В контексте эпохи Отечественной войны повести В.Т. Нарезного, достаточно традиционные, обращали читателя к проблемам государственного строительства и рисовали поэтический образ становления империи – через собирание различных племен, князья которых оказывали сопротивление россам-цивилизаторам, через преодоление распрей удельных княжеств («Мирослав», «Любослав»), через сопротивление врагам-завоевателям («Рогдай», «Михаил») к обретению подлинного единства и мощи, возвысивших современную Россию («Александр»). Автор в «Славенских вечерах» продолжал мыслить вполне этатистскими формулами, но само выведение на первый план различных начал, из которых складывалась империя, вносило в ее облик дифференцированность, лишало нерелексируемой монолитности.

Потенциальные культурные границы намечал и возросший интерес к национальному началу, акцентированному уже заглавием цикла. Примечательно, что русское здесь становилось не полным синонимом славянского. Как объясняла повесть «Славен», центральную часть которой занимал рассказ Добромысла об исходе скифов из предгорий Кавказа и основании ими нового государства под водительством Росса (Славена), русское обозначало, прежде всего, государственное, в то время как славянское (славенское) – этническое, вобравшее в себя покоренные племена полян, касогов, дулебов и других, включая варяжский элемент. Далекий от какой-либо достоверности подобный образ этногенеза позволял осмыслить славянство как широкую стихию, допускавшую внутренние различия по местности и ее обитателям – в том числе разделение на северную (Славен, скифы) и южную (Кий, поляне) ветвь:

Тут нашли мы народ дикий, живущий без законов. Своенравие управляло делами каждого. Звериная ловля и хищничества продолжали жизнь их. Долго вели мы брани с сим народом; наконец кро-

тость и мудрость Россова победили их, когда оружия не сильны были учинить того. Мало-помалу они усмирялись, преклоняли выи свои под кроткий скипетр Россов и дивились, находя его орудием их счастья. <...> Мир и доверенность водворились; два народа соединились в один, – и по истечении полвека никто не помнил прежнего своего состояния, – скифы, что бы они когда-либо вели брани с своими хозяевами; сии – что бы когда-нибудь могли дикостью и зверством раздражать Росса и богов небожителей. Соседи и народы отдаленные редко дерзали возмущать тишину нашу, ибо видели внутри нас мир и дружелюбие. В противном случае бедствие и раскаяние были их неминуемым уделом. Наконец все страны, ближние и дальние, пораженные удивлением к добродетелям и доблестям Росса, единодушно и единогласно нарекли его Славеном – и народ его славенами, любимцами славы. Росс, соглашаясь с волею богов, принял имя сие и град свой на берегах Ильмена нарек Славенском [29. С. 35–36].

В.Т. Нарезный не был одинок в нравственно-политической и национальной проблематизации древнерусской истории, различные ее грани высвечивали повести «Рогнеда, или Разорение Полоцка» Н.С. Арцыбашева, «Повесть о Мстиславе I Володимировиче, славном князе русском» П.Ю. Львова, «Рогнеда на могиле Ярополковой» Ф.Ф. Иванова, «Рогдай» и «Святослав» С.Г. Саларева, «Отрывок из повести о князе Мстиславе, великом победителе половцев» Н.М. Кугушева, «Мстислав Мстиславич» П.А. Катенина и другие произведения, однако новое качественное развитие они нашли в творчестве писателей-декабристов, в чьем органе, «Соревнователе просвещения и благотворения», были напечатаны последние из текстов «Славенских вечеров». «Обращение Нарезного к славянской истории и мифологии, – отмечал Н.Л. Степанов, – свидетельствовало о росте национального самосознания и не случайно, что героическая и патриотическая тематика «Славенских вечеров» оказалась близка патриотически-гражданственным «думам» поэтов-декабристов» [30. С. 278].

Происхождение и этническое родство славян интересовало и декабристов, в чьем мировоззрении проблема народности занимала важное место. «Вера праотцов, нравы отечественные, летописи, песни и сказания народные, – утверждал в «Мнемозине» В.К. Кюхельбекер, – лучшие, чистейшие, вернейшие источники для нашей словесности» [31. С. 458]. Перекликаясь с руссоистско-гердеровским

пониманием нации как коллективной нравственной личности, декабристы сводили народность к эссенциалистски интерпретированному национальному характеру, выражать который должна была и литература. Истоки его и одновременно сакральный субстрат сохраняли история и древняя словесность⁵.

В результате, по справедливому замечанию В.Е. Гусева, в этнографических воззрениях Н.М. Муравьева, распространенных и среди других представителей тайного общества, «с аналитическим и в ряде случаев трезвым подходом к проблеме этногенеза славян <...> сочетается романтически восторженная характеристика древних славян как единого народа» [34. С. 89]. «Видишь перед собою народ, какого еще не бывало в истории, – отзывался Н.М. Муравьев о карамзинской «Истории государства Российского», – погруженный в невежество, без писем, без правительств, но великий духом, предприимчивый» [35. С. 595]. Мысли о «прежнем величии славянских народов» [36. С. 290] находим и у Ф.Н. Глинки в «Письмах русского офицера».

Как свидетельствовали проекты конституции М.А. Дмитриева-Мамонова, Н.М. Муравьева и П.И. Пестеля (см. нашу статью [37. С. 102–123]), декабристы не рассматривали Украину в качестве «исторической» нации и включали ее население в состав великорусской народности, обоснованием чему служила общность древней истории. Для членов тайного общества Киевская Русь, слабо отграничиваемая от позднейшей Московской Руси, была единым государственным целым, что позволяло по принципу метонимии использовать любой сюжет ее истории как репрезентацию извечных нравственно-политических проблем. В этом контексте различие Новгорода и Киева, севера и юга, на чем будут настаивать украинофилы 1830–1840-х гг., представлялось несущественным – хотя и ощущалось авторами гораздо глубже, чем у В.Т. Нарезного с его сквозным северно-оссианическим колоритом⁶.

Унитарное имперское видение переносило акцент с этнокультурной неоднородности на политические разделения, представавшие в виде княжеских усобиц – важной и частотной темы декабристов. Действия удельных князей, связанных узами кровного родства, но

---

⁵ О проблеме народности у декабристов см.: [32. С. 292–325; 33. С. 52–93].

⁶ Как замечал Ю.Д. Левин, «“Славенские вечера” явились, по-видимому, последним значительным произведением в жанре русской исторической прозы, связанным с оссианической традицией» [38. С. 85]. Ср. также: [39. С. 4–11].

идущих на поводу низменных страстей – тяги к власти и богатству, неизменно осуждались. Так, в думе «Михаил Тверской» К.Ф. Рылеева описаны последние дни жизни тверского князя Михаила, ставшего жертвой интриг его племянника – Георгия Даниловича, князя Московского. Георгий в борьбе за великокняжеский престол, принадлежавший по праву Михаилу, прибегнул к помощи хана Узбека, который вызвал тверского князя в Орду, где после долгих истязаний умертвил. Лейтмотивом думы служат слова Михаила о гибельности княжеских раздоров:

До какого униженья, –
Он мечтал, потупя взор, –
Довели нас заблужденья
И погибельный раздор! [40. С. 41].

Героем другой думы К.Ф. Рылеева выступала не жертва междоусобиц и трагических обстоятельств, но сам злодей – Святополк, захвативший великокняжеский престол и умертвивший своих братьев Святослава, Бориса и Глеба. Так же как в «Михаиле Тверском», автор взял лишь небольшой эпизод из жизни Святополка Окаянного – его мучения и припадки ужаса во время скитаний в пустынях Богемии, результат низменных страстей, ставших причиной преступления:

Ужасно быть рабом страстей!
Кто раз их предался стремленью,
Тот с каждым днем летит быстрее
От преступленья к преступленью [40. С. 22].

На первый взгляд может показаться, что отстаивание республиканских прав, характерное для новгородско-псковских сюжетов декабристов [41. С. 26–47; 42. С. 100–138], противоречит столь решительному осуждению усобиц, часто затеваемых в стремлении к независимости от «тиранства» великого князя киевского или московского. Так, Михаил Тверской и Вадим, герои одноименных дум, выступают как жертвы междоусобиц и ее инициаторы. Однако мотивы их поведения близки – это желание национального единства, препятствием которому является несправедливая центральная власть:

До какого нас беславия
Довели вражды граждан!

Насылает Скандинавия
Властелинов для славян! [40. С. 111].

Своеобразным совмещением мотива княжеских междоусобиц и идеализации республиканства выступает поэма А.А. Бестужева «Андрей, князь Переяславский», выстраиваемая как заочное состязание удельного князя Андрея и Всеволода – «обладателя Руси целой», разворачивающееся в сознании Романа – посланника великого князя к переяславскому двору. Роман прибывает в Переяславль с единственной целью – склонить Андрея к объединению с Всеволодом:

Князь! Всеволод, Олега сын,
Великий князь и властелин,
И обладатель Руси целой,
Тебе, как брат, любовно шлет
В моем поклоне свой привет!
Он хочет знать, зачем с Дуная
Тобой одним до сей поры,
Обычай предков презирая,
К нему не посланы дары?
<...> Чтоб удалить сии напасти,
Князей смирить и умирить,
Он хочет Русь соединить
Под крыльями верховной власти [43. С. 62–63].

Князь переяславский отказывается внимать призывам Романа и, памятуя о некогда бесчестном поведении Всеволода, признавать предлагаемый союз, «в союз не веря». Автор показывает, как постепенно под влиянием доводов Андрея, его поступков (эпизод на княжеской охоте) меняется позиция Романа, который начинает смотреть на переяславского князя как на мудрого и заботливого повелителя, не желающего добиваться мимолетной славы за счет народных жертв:

Достойно ль жаждать славы сей,
Подруги смелого порока,
Невольницы хотений рока,
Случайной прихоти людей!
Не ей – общественному благу
Я посвятил мою отвагу [43. С. 91].

Переосмысливая идеальную систему правления как республиканскую, мотивированную общественным благом и способствующую

шую рождению подлинного национального единства, декабристы на ином полюсе открывали возможность сопротивления тиранической центральной власти, а тем самым потенциально реабилитировали и сепаратистские устремления. В плане революционной тактики это реализовалось в наведении контактов с польскими освободительными организациями вроде Польского патриотического общества и Общества соединенных славян, в художественном плане это послужило мостиком от патриотических дум К.Ф. Рылеева к его украинским поэмам о Мазепе с неоднозначным образом героя-ренегата.

Переходным вариантом может служить дума «Рогнеда», где автор, не затронув фабульную сторону предания, изменил мотивы главной героини. Согласно трактовке Н.М. Карамзина в «Истории государства Российского» Рогнеда попыталась убить супруга из-за ревности и затронутого женского самолюбия: «Рогнеда, названная по ее горестям Гориславою, простила супругу убийство отца и братьев, но не могла простить измены в любви: ибо великий князь уже предпочитал ей других жен и выслал несчастную из дворца своего» [44. С. 256]. Рылеев сместил акценты, превратив Рогнеду из ревнивой жены в мстительницу за угнетенную родину. Не случайно автором в монолог героини был введен ретроспективный эпизод жестокого разорения Полоцка Владимиром, отличающийся особой экспрессией:

«Ты, ты, тиран, его сразил!
Горя преступною любовью,
Ты жениха меня лишил
И братнею облился кровью!
Испепелив мой край родной,
Рекой ты кровь в нем пролил всюду
И Полоцк, дивный красотой,
Преобратил развалин в груды...» [40. С. 30].

В характере Рогнеды на первый план выходит не обида за погранные любовные чувства, но пламенная любовь к малой родине и ненависть к угнетателям, которую она стремится передать сыну:

«Пусть Рогволодов дух в тебя
Вдохнет мое повествованье;
Пускай оно в груди молодой
Зажжет к делам великим рвенью,
Любовь к стране своей родной
И к притеснителям презренье...» [40. С. 24–25].

Возможность реабилитации сепаратизма кроме абсолюта общественного блага обеспечивал еще и перевес имперских категорий над национальными. В произведениях декабристов национальный характер выступал, по сути, производным государственной идентификации⁷, что лишало сепаратизм этнической окраски, в свете которой сотрудничество с польскими освободительными движениями означало акцент не на польском, но на освободительном начале, а патриотизму придавало универсальное звучание, актуальное на фоне противостояния внешним врагам или славных завоевательных побед вроде походов князя Олега и Святослава на Византию («Олег Вещий», «Святослав») или подчинения племени косогов («Мстислав Удалый») в «Думах» К.Ф. Рылеева. Автор здесь выступал обычно певцом имперской мощи, как Боян в думе «Рогнеда»:

Он славил Рюрика судьбу,
Пел Святославовы походы,
Его с Цимискием борьбу
И покоренные народы;
Пел удивление врагов,
Его нетрепетность средь боя,
И к славе пылкую любовь,
И смерть, достойную героя [40. С. 27].

В этом контексте стремление объединить нацию превращалось в борьбу за укрепление и реформирование империи⁸. Как точно определила Л.Я. Гинзбург:

Начала эти сопряжены в неразрывное единство, поскольку свобода мыслится непременно в форме национального возрождения, а народность включается в круг освободительных идей. Декабристская народность – это национальная самобытность и в то же время гражданственность. Декабристская личность – это гражданин, являющийся носителем национального самосознания и патриотического воодушевления [33. С. 59].

Если же учесть вполне обозначившуюся чувствительность к этнокультурным границам, то подобное разновекторное целое явля-

---

⁷ Ср. в «ливонских» повестях А.А. Бестужева, Н.А. Бестужева, В.К. Кюхельбекера легкий перенос места действия в Прибалтику, мыслящуюся региональным измерением имперского пространства и, соответственно, имперской истории [45. С. 33–80].

⁸ О декабристской версии имперской модернизации в ее соотношении с версией умеренного либерализма см.: [46. С. 311–373].

лось взрывоопасным источником, породившим на следующем этапе литературного развития целый ряд новых явлений, в том числе взаимоисключающих. Национализация древнерусского прошлого, интенсивно проводившаяся российской словесностью первой четверти XIX в., не сняла, как могло показаться, но придала смысловую насыщенность культурным различиям, важным для конструирования образов имперских окраин. В итоге с образом Украины оказался связан в итоге комплекс особых мотивов — этническая неоднородность, сложный процесс составления империи, борьба с внешними врагами, противостояние республиканской свободы и тиранического самодержавия, уобицы и сепаратизм.

Литература

1. Киселев В.С., Васильева Т.А. Эволюция образа Украины в имперской словесности первой четверти XIX в.: регионализм, этнографизм, политизация (статья первая) // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2013. № 3 (23).
2. Козут З. Истоки парадигмы единства: Украина и создание русской национальной истории (1620–1680-е гг.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ukrhistory.narod.ru/texts/kohut-1.htm> (дата обращения: 04.02.2016).
3. Saunders D. Historians and Concepts of Nationality in Early Nineteenth-Century Russia // Slavonic and East European Review. 1982. Vol. 60. №. 1, January.
4. Козут З. Развитие украинской национальной историографии в Российской империи / пер. с англ. // Перекрестки: журнал исследований восточноевропейского пограничья. 2006. № 3–4.
5. Журба О.І. Журнальний період становлення української археографії (Харківські журнали 10–20-х рр. XIX ст.) // Архіви України. 2002. № 1–3.
6. Sysyn F. The Cossack Chronicles and the Development of Modern Ukrainian Culture and National Identity // Harvard Ukrainian Studies. 1990. Vol. 14, № 3/4 (December).
7. Корпанюк М.П. Крайове та козацьке компілятивне літописання як історико-літературне явище. Київ: Літопис-XX, 1997.
8. Бантыш-Каменский Д.Н. История Малой России со времен присоединения оной к Российскому государству при царе Алексее Михайловиче с кратким обозрением перво-бытного состояния сего края. М., 1822. Ч. 1.
9. Мартос А.И. История Малой России со времени присоединения к Российскому государству, при царе Алексее Михайловиче, с кратким обозрением перво-бытного состояния сего края. М., 1822. Печатана иждивением сочинителя (Д.Н. Бантыша-Каменского) // Сын Отечества. 1823. № 3.
10. Берлинский М.Ф. Краткое описание Киева: Содержащее историческую перечень сего города, так же показание достопамятностей и древностей оного. СПб., 1820.
11. Киселев В.С., Васильева Т.А. «Под отечественным небом странствую с мирною душою»: образ Украины в русских травелогах начала XIX в. (В.В. Измайлов, П.И. Шаликов, А.И. Левшин) // Имагология и компаративистика. 2015. № 2 (4).

12. *Ананьева Т.* Десятинна церква: коло витоків археологічних досліджень (1820–1830-ті рр.) // Церква Богородиці Десятинна в Києві. До 1000 освячення. Київ, 1996.
13. *Пыпин А.Н.* История русской этнографии. СПб., 1891. Т. 3: Этнография малорусская.
14. *Ровнякова Л.Н.* Русско-польский этнограф и фольклорист З. Доленга-Ходаковский и его архив // Из истории русско-славянских литературных связей XIX в. М.; Л., 1963. С. 58–94.
15. *Малаш-Аксамитова Л.А.* Доленга-Ходаковский (Адам Чарноцкий) и его наследие. Włocław, 1967.
16. *Гмелин С.Г.* Путешествие по России для исследования трех царств естества. 2-е изд. СПб., 1806. Ч. 1.
17. *Долгорукий И.М.* Славны бубны за горами, или Путешествие мое кое-куда, 1810 года // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1869. Кн. 2, отд. 2.
18. *Левшин А.И.* Письма из Малороссии. Харьков, 1816. С. 77–78.
19. *Булкина И.* Киев в русской литературе первой трети XIX века: пространство историческое и литературное. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2010.
20. *Левкович Я.Л.* Историческая повесть // Русская повесть XIX в. История и проблематика жанра. Л., 1973.
21. *Архипова А.В.* Проблема национальной самобытности в русской литературе первой четверти XIX века // Русская литература и фольклор. Первая половина XIX века. Л., 1976.
22. *Архипова А.В.* Эволюция исторической темы в русской прозе 1800–1820-х гг. // На путях к романтизму. Л., 1984.
23. *Державина О.А.* Древняя Русь в русской литературе XIX века: (Сюжеты и образы древнерусской литературы в творчестве писателей XIX века). М.: ИМЛИ, 1990.
24. *Шамбинаго С.К.* Художественные переложения «Слова» // Слово о полку Игореве. М.; Л., 1934.
25. *Лотман Ю.М.* «Слово о полку Игореве» и литературная традиция XVIII – начала XIX в. // Лотман Ю.М. О русской литературе. СПб., 1997.
26. *Прийма Ф.Я.* «Слово о полку Игореве» в русском историко-литературном процессе первой трети XIX в. Л.: Наука, 1980.
27. *Киселев В.С.* Жанровые модификации конфликта в «Славенских вечерах» В.Т. Нарезного // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. Сер.: гуманитар. науки (филология). 2005. № 6.
28. *Киселев В.С.* Концепция личности в цикле В.Т. Нарезного «Славенские вечера» // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. Сер.: гуманитар. науки (филология). 2004. № 3.
29. *Нарежный В.Т.* Избранное. М.: Сов. Россия, 1983.
30. *Степанов Н.Л.* Нарезный // История русской литературы: в 10 т. М.; Л., 1941. Т. 5: Литература первой половины XIX в. Ч. 1.
31. *Кюхельбекер В.К.* О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие // Кюхельбекер В.К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979.
32. *Лотман Ю.М.* Проблема народности и пути развития литературы декабристского периода // Лотман Ю.М. О русской литературе. СПб., 1997.
33. *Гинзбург Л.Я.* О проблеме народности и личности в поэзии декабристов // О русском реализме XIX века и вопросах народности литературы. М.; Л., 1960.

34. Гусев В.Е. Вклад декабристов в отечественную этнографию // Декабристы и русская культура. Л., 1976.
35. Муравьев Н.М. Мысли о Истории Российского государства (продолжение) // Декабристы-литераторы. М., 1954. С. 595.
36. Глинка Ф.Н. Письма русского офицера о Польше, Австрийских владениях, Пруссии и Франции, с подробным описанием Отечественной и заграничной войны с 1812 по 1814 г.: в 5 ч. М., 1870.
37. Киселев В.С., Васильева Т.А. Эволюция образа Украины в имперской словесности первой четверти XIX в.: регионализм, этнографизм, политизация. Статья третья. «Между Польшей и Россией» // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2014. № 1 (27).
38. Левин Ю.Д. Оссиан в русской литературе. Конец XVIII – первая треть XIX века. Л.: Наука, 1980.
39. Гуськов Н.А. Оссиан и Нарезный // Язык и культура кельтов. СПб., 1999.
40. Рылеев К.Ф. Думы. М.: Наука, 1975.
41. Петрунина Н.Н. Декабристская проза и пути развития повествовательных жанров // Русская литература. 1978. № 1.
42. Прийма Ф.Я. Тема «новгородской свободы» в русской литературе конца XVIII – начала XIX века // На путях к романтизму. Л., 1984.
43. Бестужев-Марлинский А.А. Андрей, князь Переяславский // Полн. соб. соч.: в 12 ч. СПб., 1838. Ч. 11: Стихотворения и полемические статьи. С. 62–63.
44. Карамзин Н.М. Полное собрание сочинений: в 18 т. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 1998. Т. 1. История государства Российского.
45. Исаков С.Г. О «ливонских» повестях декабристов (к вопросу о становлении декабристского историзма) // Учен. зап. Тарт. ун-та. 1965. Вып. 167. Труды по русской и славянской филологии. № 8.
46. Майофис М.Л. Воззвание к Европе: литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М.: Новое лит. обозрение, 2008.

“THE LOVE OF HIS NATIVE COUNTRY AND THE CONTEMPT TO OPPRESSORS...”: NATIONALIZATION OF THE OLD RUSSIAN PAST AND THE CONSTRUCTION OF UKRAINE’S IMAGE IN THE EARLY ROMANTIC LITERATURE

Vasilyeva Tatyana A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tatiana_w_1988@mail.ru

Imagology and Comparative Studies, 2016, 1(5), pp. 5–29. DOI: 10.17223/24099554/5/1.

Keywords: Ancient Russia, Ukraine, imagology, historical imaginary, historiography, artistic and historical genres, early Russian romanticism.

The article analyzes the historical concepts of South Russian ancient history in the early romantic literature of the 1810–1820-s in terms of their evolution, which, on the one hand, reflects the transition from autonomism to regionalism in historiography, and, on the other, the ideological rethinking of Ancient Russian images and plots in the belles-lettres. The first part of the article is based on works by D.N. Bantysh-Kamensky, A.I. Martos, M.F. Berlin, Z. Dolenga-Khodakovsky and focused on the history of Little Russia viewed within the *traditional Imperial scheme*, or *Imperial grand narrative* of N.M. Karamzin. Its logic is based on the stable successive autocracy under which South Russia was becoming

more engaged in feuds since the 12th – 13th centuries, while Northern Russia was growing more consolidated due to the strong unity of the princely dynasty. By the time of the Mongol invasion, the Kievan lands, having no state principle, dropped out of history to return only in the 17th century when they joined the Moscow Tsardom succeeded by the Russian Empire. In this scheme, the cultural differences between Great and Little Russians are removed due to their common origin, which allows considering Ukraine the cradle of the “Russianness”. Sharing Karamzin’s concepts, Little Russian historians of the new wave sought to fill the “gaps” and include the events of the 14th – mid-17th centuries in the imperial past.

On the other hand, the emerging national mentality, as reflected in the historiography, focused on the system of distinctions between “us” and “them”, making imperial authors more sensitive to the cultural boundaries. While the 1770–1790-s literature about Ancient Russia remained within mythological paradigm and was of little sensitivity to the national colour, the upcoming romantic era demanded greater historical and cultural certainty and closer ties to the time and place. As a result, mythologization with its genre patterns of “heroic” tales, comic operas, heroic stories or poems were significantly pushed back by the ideological problems within historical stories, Dumas and poems. In “The Slavonic Nights” by V.T. Narezhny, “Dumas” by K.F. Rileyev as well as in stories and poems by A.A. Bes-tuzhev, the past of Little Russia was connected with a set of special motifs: ethnic heterogeneity, a complex process of land collection in the Empire, the struggle against foreign enemies, republican freedom opposed to tyranny, strife and separatism. Such artistic nationalization of the past perfectly fit itself in the imperial grand narrative scheme with its integrated vision of outskirts. However, it nourished the Little Russian regional identity, implicitly outlining the future national and cultural distinctions.

References

1. Kiselev, V.S. & Vasilyeva, T.A. (2013) Evolution of the image of Ukraine in the imperial literature of the early 19th century: Regionalism, ethnography, politicization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 3(23). pp. 63–79. (In Russian).
2. Kogut, Z. (n.d.) *Istoki paradigmy edinstva: Ukraina i sozdanie russkoy natsional'noy istorii (1620–1680-e gg.)* [The origins of the unity paradigm: Ukraine and creation of Russian national history (1620s–1680s)]. [Online] Available from: <http://www.ukrhistory.narod.ru/texts/kohut-1.htm>. (Accessed: 4th February 2016).
3. Saunders, D. (1982) Historians and Concepts of Nationality in Early Nineteenth-Century Russia. *Slavonic and East European Review*. 60(1). pp. 44–62.
4. Kogut, Z. (2006) Razvitie ukrainskoy natsional'noy istoriografii v Rossiyskoy imperii [Development of Ukrainian national historiography in the Russian Empire]. *Perekrestki*. 3–4.
5. Zhurba, O.I. Zhurnal'niy period stanovlennya ukrains'koï arkhografii (Kharkivs'ki zhurnali 10–20-kh rr. XIX st.) [The Journal period of Ukrainian Archeography (Kharkov magazines of the 1810–1820-s)]. *Arkhivi Ukraini*. 1–3.
6. Sysyn, F. (1990) The Cossack Chronicles and the Development of Modern Ukrainian Culture and National Identity. *Harvard Ukrainian Studies*. 14(3/4).
7. Korpanyuk, M.P. (1997) *Krayove ta kozats'ke kompilyativne litopisannya yak istoriko-literaturne yavishche* [Land and Cossack compilation chronicles as a historical and literary phenomenon]. Kyiv: Litopis-XX.

8. Bantysh-Kamenskiy, D.N. (1822) *Istoriya Maloy Rossii so vremen prisoedineniya onoy k rossiyskomu gosudarstvu pri tsare Aleksee Mikhayloviche s kratkim obozreniem pervobytnogo sostoyaniya sego kraya* [History of Little Russia since joining thereof to the Russian state under Tsar Alexei Mikhailovich with a brief overview of the primitive state of this region]. Moscow: S. Selivanovsky.
9. Martos, A.I. (1823) *Istoriya Maloy Rossii so vremeni prisoedineniya k Rossiyskomu gosudarstvu, pri tsare Aleksee Mikhayloviche, s kratkim obozreniem pervobytnogo sostoyaniya sego kraya* [History of Little Russia since joining thereof to the Russian state under Tsar Alexei Mikhailovich with a brief overview of the primitive state of this region]. *Syn Otechestva*. 3.
10. Berlinskiy, M.F. (1820) *Kratkoe opisanie Kiev. Soderzhashchee istoricheskuyu perechen' sego goroda, tak zhe pokazanie dostopamyatnostey i drevnostey onogo* [A Brief Description of Kiev. With a list of the city, including its landmarks and antiquities]. St. Petersburg: National Education Department Typography.
11. Kiselev, V.S. & Vasilyeva T.A. (2015) "Wanderings with a peaceful soul under the native sky": The image of Ukraine in Russian travelogues of the early 19th century (V.V. Izmaylov, P.I. Shalikov, A.I. Levshin). *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 2(4). pp. 20–42. (In Russian).
12. Ananyeva, T. (1996) Desyatinnna tserkva: kolo vitokiv arheologichnikh doslidzhen' (1820–1830-ti rr.) [Church of the Tithes: At the origins of archaeological research (1820–1830-ies.)]. In: *Tserkva Bogoroditsi Desyatinnna v Kievi. Do 1000 osvychennyya* [Church of Our Lady of the Tithes in Kiev]. Kiiv: ArtEk.
13. Pypin, A.N. (1891) *Istoriya russkoy etnografii* [The History of Russian Ethnography]. Vol. 3. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich.
14. Rovnyakova, L.N. (1963) Russko-pol'skiy etnograf i fol'klorist Z. Dolenga-Khodakovskiy i ego arkhiv [A Russian-Polish ethnographer and folklorist Z. Dolenga-Khodakovsky and his archive]. In: Alekseyev, M.P. (ed.) *Iz istorii russko-slavyanskikh literaturnykh svyazey XIX v.* [From the history of Russian-Slavic literary connections of the 19th century]. Moscow; Leningrad: USSR AS. pp. 58–94.
15. Malash-Aksamitova, L.A. (1967) *Dolenga-Khodakovskiy (Adam Charnotskiy) i ego nasledie* [Dolenga-Khodakovsky (Adam Czarnocki) and his legacy]. Wroclaw.
16. Gmelin, S.G. (1806) *Puteshestvie po Rossii dlya issledovaniya trekh tsarstv estestva* [Travelling through Russia to study the three kingdoms of nature]. 2nd ed. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
17. Dolgorukii, I.M. (1869) Slavny bubny za gorami, ili Puteshestvie moe koe-kuda, 1810 goda [Nice tambourines beyond the mountains, and my journey somewhere in 1810]. *Chteniya v Obshchestve istorii i drevnostey rossiyskikh*. 2.
18. Levshin, A.I. (1816) *Pis'ma iz Malorossii* [Letters from Little Russia]. Kharkov: University Typography. pp. 77–78.
19. Bulkina, I. (2010) *Kiev v russkoy literature pervoy trety XIX veka: prostranstvo istoricheskoe i literaturnoe* [Kiev in Russian literature of the early 19th century: Historical and literary space]. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus.
20. Levkovich, Ya.L. (1973) *Istoricheskaya povest'* [The historical novel]. In: Meilakh, B.S. (ed.) *Russkaya povest' XIX v. Istoriya i problematika zhanra* [The Russian novel of the 19th century. The history and problems of the genre]. Leningrad: Nauka.
21. Arkhipova, A.V. (1976) *Problema natsional'noy samobytnosti v russkoy literature pervoy chetverti XIX veka* [The problem of national identity in Russian literature of the early 19th

century]. In: Priyma, F.Ya. (ed.) *Russkaya literatura i fol'klor. Pervaya polovina XIX veka* [Russian literature and folklore. The first half of the 19th century]. Leningrad: Nauka.

22. Arkhipova, A.B. (1984) Evolyutsiya istoricheskoy temy v russkoy proze 1800–1820-kh gg. [The evolution of the historical themes in Russian prose of the 1800–1820-s]. In: Priyma, F.Ya. (ed.) *Na putyakh k romantizmu* [On the Road to Romanticism]. Leningrad: Nauka.

23. Derzhavina, O.A. (1990) *Drevnyaya Rus' v russkoy literature XIX veka (Syuzhety i obrazy drevnerusskoy literatury v tvorchestve pisateley XIX veka)* [Ancient Rus in the Russian literature of the 19th century (Scenes and images of Ancient Russian literature in the works of the 19th century)]. Moscow: Institute of World Literature.

24. Shambinago, S.K. (1934) Khudozhestvennye perelozheniya “Slova” [Artistic interpretations of “The Tale of Igor’s Campaign”]. In: *Slovo o polku Igoreve* [The Tale of Igor’s Campaign]. Moscow; Leningrad: Academia.

25. Lotman, Yu.M. (1997a) *O russkoy literature* [About Russian literature]. St. Petersburg: Iskustvo-SPB. pp. 14–80.

26. Priyma, F.Ya. (1980) “*Slovo o polku Igoreve*” v russkom istoriko-literaturnom protsesse pervoy treti XIX v. [“The Tale of Igor’s Campaign” in Russian literary and history in the early 19th century]. Leningrad: Nauka.

27. Kiselev, V.S. (2005) Zhanrovye modifikatsii konflikta v “Slavenskikh vecherakh” V.T. Narezhnogo [The genre modifications of the conflict in “Slavic nights” by V.T. Narezhnny]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 6.

28. Kiselev, V.S. (204) Kontseptsiya lichnosti v tsikle V.T. Narezhnogo “Slavenskie vechera” [The concept of identity in the cycle by V.T. Narezhnny “Slavic nights”]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 3.

29. Narezhnny, V.T. (1983) Izbrannoe [Selected works]. Moscow: Sovetskaya Rossiya.

30. Stepanov, N.L. (1941) Narezhnny [Narezhnny]. In: *Istoriya russkoy literatury: V 10 t.* [The History of Russian literature: In 10 vols]. Vol. 5. Moscow; Leningrad: USSR AS.

31. Kyukhel’beker, V.K. (1979) *Puteshestvie. Dnevnik. Stat’i* [Journey. A Travelogue. Articles]. Leningrad: Nauka.

32. Lotman, Yu.M. (1997b) *O russkoy literature* [About Russian literature]. St. Petersburg: Iskustvo-SPB. pp. 292–326.

33. Ginzburg, L.Ya. (1960) O probleme narodnosti i lichnosti v poezii dekabristov [On the nationality and identity in the poetry of the Decembrists]. In: Gromov, P.P. (ed.) *O russkom realizme XIX veka i voprosakh narodnosti literatury* [About Russian realism of the 19th century and the folk character of the literature]. Moscow; Leningrad: GIKhL.

34. Gusev, V.E. (1976) Vklad dekabristov v otechestvennuyu etnografiyu [The contribution of the Decembrists to Russian ethnography]. In: Albova, G.A. (ed.) *Dekabristsy i russkaya kul’tura* [The Decembrists and Russian culture]. Leningrad: Nauka.

35. Muravyev, N.M. (1954) Mysli o Istории Rossiyskogo gosudarstva (prodolzhenie) [Thoughts on the History of the Russian State (continued)]. In: Egolín, A.M. (ed.) *Dekabristsy-literatory* [The Decembrists-writers]. Moscow: USSR AS. p. 595.

36. Glinka, F.N. (1870) *Pis’má russkogo ofitsera o Pol’she, Avstriyskikh vladeniyyakh, Prussii i Frantsii, s podrobnym opisaniem Otechestvennoy i zagranichnoy voyny s 1812 po 1814 god: v 5 ch.* [Letters of a Russian officer about Poland, Austria, Prussia and France, with a detailed description of Patriotic and foreign war from 1812 to 1814. In 5 parts]. Moscow: Russkogo.

37. Kiselev, V.S. & Vasilyeva, T.A. (2014) Evolution of the image of Ukraine in the imperial literature of the first quarter of the nineteenth century: regionalism, ethnography, politicization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 1(27). (In Russian).
38. Levin, Yu.D. (1980) *Ossian v russkoy literature. Konets XVIII – pervaya tret' XIX veka* [Ossian in Russian literature. The late 18th – early 19th century]. Leningrad: Nauka.
39. Guskov, N.A. (1999) Ossian i Narezhnny [Ossian and Narezhnny]. In: *Yazyk i kul'tura kel'tov* [The Language and Culture of the Celts]. St. Petersburg: Institute of Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences.
40. Ryleev, K.F. (1975) *Dumy* [Dumas]. Moscow: Nauka.
41. Petrunina, N.N. (1978) Dekabristskaya proza i puti razvitiya povestvovatel'nykh zhanrov [The Decembrists prose and the development of narrative genres]. *Russkaya literatura*. 1.
42. Priyma, F.Ya. (1984) Tema “novgorodskoy svobody” v russkoy literature kontsa XVIII – nachala XIX veka [The theme of “freedom of the Novgorod” in Russian literature of the late 18th – early 19th centuries]. In: Priyma, F.Ya. (ed.) *Na putyakh k romantizmu* [On the Road to Romanticism]. Leningrad: Nauka.
43. Bestuzhev-Marlinskiy, A.A. (1838) *Polnoe sobranie sochineniy: V 12 ch.* [Complete works. In 12 vols]. Vol. 11. St. Petersburg: Typography of His Imperial Majesty's Chancellery. pp. 62–63.
44. Karamzin, N.M. (1998) *Polnoe sobranie sochineniy: v 18 t.* [Complete Works: In 18 vols]. Vol. 1. Moscow: TERRA – Knizhnyy klub.
45. Isakov, S.G. (1965) O “livonskikh” povestiyakh dekabristov (k voprosu o stanovlenii dekabristskogo istorizma) [About “Livonian” tales of the Decembrists (on the formation of the Decembrists historicism)]. *Uchenye zapiski Tartuskogo universiteta*. 167(8).
46. Mayofis, M.L. (2008) *Vozzvanie k Evrope: literaturnoe obshchestvo “Arzamas” I rossiyskiy modernizatsionnyy proekt 1815–1818 godov* [An Appeal to Europe: the Arzamas Literary Circle and Russian Modernization Project of 1815–1818]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.